

Любовь под Новый год

Автор:

[Надежда Волгина](#)

Любовь под Новый год

Надежда Волгина

Короткий любовный роман

Верна ли пословица: «Всяк человек кузнец своего счастья?» Или лучше плыть по течению и ждать, когда «любовь негаданно нагрянет?..» Опрометчивое пари с подругой заранее грозит Кате провалом. Но когда еще происходит чудесам, как не под Новый год? И даже случайный прохожий может оказаться тем, кого ждала всю жизнь. В оформлении обложки использованы фото со стока shutterstock.

Эта удивительная история началась с самого банального события – попойки двух закадычных подруг. Да-да, именно попойки, а не выпивки по особому случаю. Но... обо всем по порядку.

Отработав положенное количество часов в родной школе номер сорок пять, где шесть лет преподавала русский язык и литературу и к которой уже успела сильно привыкнуть, Катя возвращалась домой по оживленной улице. От усталости она еле переставляла ноги. Этому факту способствовало и огромное количество снега, выпавшего за день. «Хорошее начало зимы», – подумала Катя (по календарю сегодня наступил декабрь).

Ноги все время проваливались в рыхлые сугробы. В какой-то момент, когда Катя пыталась вытащить ногу из очередной снежной кучи, не зачерпнув голенищем сапога, она почувствовала, как в сумке завибрировал мобильный телефон.

Чертыхаясь про себя, кому это приспичило звонить в самый неподходящий момент, она попыталась найти в огромной учительской сумке маленькую трубочку. И, когда у нее получилось-таки достать ее, что есть силы крикнула:

- Алло!

- Ты чего так орешь, Колобкова? - Да, обычно именно так и обращалась к ней подруга детства Цыганова Дина.

- А ты нашла время, когда звонить, - в ответ огрызнулась Катя.

- А что такое, застала тебя за интересным занятием? - хихикнула трубка. - Хотя, о чем это я? Ты у нас такими делами не занимаешься, по статусу не положено.

- Чего мелешь? - обиделась Катя. - Какими такими занятиями? Говори уже по существу, зачем звонишь?

- Что у тебя там за грохот? Ты что, из ванной разговариваешь?

- Дин, я вообще-то иду домой с работы. Жутко устала и рискую завалиться в какой-нибудь сугроб, а ты тут еще и отвлекаешь меня всякими глупыми инсинуациями.

- Тьфу, слово-то какое откопала. Ладно, перехожу к делу... Тем более, раз ты еще не успела добраться домой. Давай, дуй ко мне.

- Ага, вот сейчас все брошу и дуну, - раздражалась все больше Катя. Для ее подруги, разъезжающей по городу на машине, расстояние в десять километров между их домами никогда не являлось препятствием. Она могла в любой момент собраться и приехать к Кате, даже если поводом являлась банальная дилемма, какую пару туфель ей выбрать для очередного званого ужина, которых у нее было по семь на неделе.

Катя наконец-то добралась до своего подъезда. Прижимая ухом трубку и разыскивая в сумке ключи, она топала ногами в попытке сбить налипший на сапоги снег и, задыхаясь от прилагаемых усилий, продолжала говорить:

– Дин, я к тебе точно не поеду. Жутко устала. Может, мы как-нибудь по телефону разберемся?

– Нет, Колобкова, выпить по телефону точно не получится, – констатировала трубка.

– Чего? Выпить? – Катя уже прорвалась в подъезд, справившись с домофоном и тяжелой железной дверью, и открывала ключом дверь своей однокомнатной квартиры на первом этаже. В данный момент ее больше волновал вопрос: не затопило ли ее в очередной раз? После того как потоп был несколько дней подряд, пока сантехники не разобрались с проблемой, прочистив засор и увеличив диаметр сливной трубы, для Кати этот вопрос стал своеобразным пунктиком. Каждый раз, подходя к своей квартире, она начинала принюхиваться, опасаясь очередного прорыва канализации. – Я хочу залезть в горячую ванну, отмокнуть как следует. Потом желательно что-то забросить в рот, так как за целый день кроме несчастного бутерброда мой желудок ничего путного не получил. А потом мне еще кучу тетрадей проверять. Это я уже планирую сделать перед телевизором с чашечкой кофе.

– Все сказала? – откликнулась Дина, выслушав Катю. – Ладно, поняла, ко мне ты ехать не хочешь. Иди, отмокай в ванне, я к тебе сама приеду. И даже не вздумай сопротивляться. Тетрадки свои проверишь завтра. Завтра суббота, и в школу тебе не надо.

Ничего возразить Катя просто не успела, Дина оперативно отключилась. Из всего разнообразия душевных качеств подруги категоричность стояла на первом месте. Она терпеть не могла, когда ей перечат, ставила свое мнение выше всего остального. Катя вздохнула: раз ее подруга решила с ней выпить, значит, так тому и быть.

Зная оперативность Дины, процесс принятия ванны Катя затягивать не стала. Едва согревшись, она поспешила покинуть уютное помещение, закутавшись в толстый махровый халат, с которым решила ни за что не расставаться. Щепетильная в вопросах одежды Дина потерпит ее «непристойный» вид, раз собирается какое-то время находиться на ее территории, подумала Катя.

Не успела она расчесать волосы, как услышала звонок в дверь. «Может, не открывать?» – подумала с тоской, глядя на себя в зеркало, а во входную дверь уже не звонили, а настойчиво стучали, по всей видимости, даже ногой.

– Чего ты ломишься, как будто за тобой гонятся? – с этими словами Катя распахнула дверь и в первый момент за огромным количеством пакетов не разглядела человеческое существо.

– Думаешь, легко все это тащить, а потом еще и два часа держать в руках, стоя под дверью? – Груз пакетов переключался в Катины руки. – Привет, дорогая. – Подруга потянулась к ней ярко-накрашенными губами. – Сто лет не виделись.

– С каких это пор месяц стал называться столетием? – чувствуя себя вьючным мулом и пытаясь высвободиться из цепких объятий, спросила Катя. – Пусты уже, иначе я сейчас рухну. Ты скупил половину супермаркета?

– Тащи уже, – Динка – миниатюрная брюнетка, стриженная под мальчика, с привлекательным макияжем – наконец отпустила Катю. – А купила я только самое необходимое. Вечер длинный, мало чего нам захочется. Не бежать же снова в магазин? – все это Катя уже выслушивала, разбирая пакеты на кухне, пока Дина раздевалась и прихорашивалась перед зеркалом в прихожей.

– Хочешь сказать, что нам понадобится и шампанское, и коньяк, и водка, и... сейчас прочитаю, бо-жо-ле, и мартини? – Катя в ужасе смотрела на гору спиртного на столе. В какой-то момент ей показалось, что Дина лишилась разума. Это в лучшем случае. В худшем – у нее что-то случилось, и очень серьезное.

– Катя, ну ты меня удивляешь, – Дина забежала на кухню, где сразу стало как-то тесно. Как она умудрялась, при более чем миниатюрной комплекции, свое присутствие где-либо делать настолько ощутимым? – Во-первых, откуда я знаю, что ты захочешь пить? А во-вторых, ведь можно начать с наименее крепкого. Как известно, градус понижать нельзя, а повышать нужно, – засмеялась она, а у Кати сразу отлегло от сердца. Раз смеется, значит, ничего серьезного не произошло.

– А лимонов ты зачем столько купила? – с ответным смехом спросила Катя, доставая из пакета не менее килограмма цитрусовых.

– Во-первых, у нас, в России, коньяк принято закусывать лимонами. Знаю, знаю, что ты сейчас скажешь, что мы столько не выпьем и не назакусываем. Зануда! Зато завтра мы сможем отпиваться чаем с теми же лимонами. И не задавай лишних вопросов. Да, я остаюсь у тебя на ночь. Не погонишь же ты меня пьяную? К тому же я за рулем, не пойду же я под шафе пешком, бросив здесь машину...

Если Катя и собиралась сказать что-то подруге, то уж точно не спорить с ней, зная, насколько это бесполезное занятие. Переспорить ее не смог бы никто. Права она или нет, Дина всегда до конца будет отстаивать свою точку зрения, даже если это грозит грандиозным скандалом, чем обычно дело и заканчивалось. Зато, поскандалив как следует и поразмыслив на досуге, Дина всегда извинялась перед оппонентом, если была неправа.

– Так. Давай-ка организуем легкую закусочку и переместимся в зал, на твоей кухне я задыхаюсь, – Дина засучила рукава шикарной блузки, явно эксклюзивной модели от известного дизайнера, и принялась нарезать тоненькими ломтиками буженину. – Так и будешь бездельничать? Принимайся за помидоры с огурцами. Сооруди-ка нам свой фирменный салатик. – Фирменным она называла салат из свежих помидоров, огурцов, капусты с большим количеством зелени и чеснока.

– Господи, а капусту-то ты зачем такую огромную купила? – спросила Катя, доставая из пакета самый большой вилок из виденных ею ранее.

– На всякий случай, – лаконично ответила Дина. Она уже вовсю резала сыр.

Нужно сказать, что у Дины все горело в руках, за что бы она не бралась. И всегда получалось изумительно. Вот и сейчас Катя залюбовалась, как она мастерски режет сыр и с талантом истинного сервировщика причудливо выкладывает его на тарелку.

Через полчаса небольшой журнальный столик, перед которым расположились подруги, ломился от разнообразной закуски. Следуя логической цепочке, начать решили с божоле, как самого слабого алкогольного напитка из представленного ассортимента.

– Давай, за встречу! – Дина подняла хрустальный фужер и звонко чокнулась с Катиным. Затем осушила его одним махом. – Пей, давай. Чего греешь?

– Кто же так пьет французское вино? – Катя вообще не любила торопливо пить. От этого она моментально пьянела.

– Не просто французское, а молодое французское. Во Франции даже праздник есть такой... – Проследив внимательно, как Катя осушает свой бокал, она продолжила: – Я тебе потом про праздник расскажу. А сейчас еще по одному. – Она снова наполнила бокалы. – Как говорится, между первой и второй пьем без перерыва.

– Дин, а чего это ты сегодня решила напиться? – После второго бокала внутри у Кати все заметно потеплело. – Ты же вроде этим делом не сильно увлекаешься?

– Иногда, заметь, очень редко, – она подняла искусно наманикюренный указательный палец вверх, – мне это необходимо. Иначе можно сойти с ума. Нужно же как-то снимать напряжение.

– Напряжение от чего? – Насколько Катя знала Дину, та никогда не работала – в прямом смысле этого слова – за деньги. Она вышла замуж сразу после школы за одного из местных нефтяных магнатов. Детей решили пока не заводить, чтобы Диночка закончила университет по специальности «Туризм и гостиничное дело». После окончания университета муж купил Дине собственную турфирму. А вскоре они развелись, сохранив отличные отношения. Благодаря им Дина была обеспечена на всю жизнь, не утруждая себя работой. Доход приносила и турфирма под руководством нанятого ею директора.

– От чего, от чего... От жизни! – пафосно изрекла Дина. – Жить-то приходится в постоянном напряжении. – В каком-таким напряжении, Катя уточнять не стала, опасаясь, что услышит очередную бредовую идею по усовершенствованию общества из уст подруги. – Давай еще по одной, и ты расскажешь мне, чего нового.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Тебе сколько лет? Правильно, двадцать семь, – ответила за Катю Дина. – Ты у нас замужем? Правильно, нет. И ни разу не была. Вот я и хочу знать, как ты к этому относишься?

Нужно сказать, что в отличие от Дины Катина жизнь развивалась в прямо противоположном направлении. Обжегшись еще в школе, пострадав от первой школьной любви, она не испытывала никакого желания с кем-либо знакомиться. Кроме того, отдавала всю себя работе в школе, на любовь – как она считала – времени и сил уже не оставалось. Определенную роль здесь еще играла и нужда. В отличие от подруги деньги ей приходилось зарабатывать, а прожить на зарплату школьной учительницы было занятием из области фантастики.

Бутылка французского вина к тому времени опустела. Дина приняла более расслабленную позу, откинувшись в кресле, а лицо сделала серьезным, картинно сдвинув брови.

– Рассказывай! – приказала она.

– Да что рассказывать-то? – занервничала Катя. Когда Дина вот так начинала себя вести, Кате становилось очень неудобно. В такие моменты подруга сильно напоминала ей маму, любившую допрашивать дочь по поводу и без повода. Еще будучи в школе, Катя была вынуждена терпеть материнский деспотизм, а как только ей исполнилось восемнадцать, она съехала от матери в квартиру, доставшуюся от бабушки, перевелась на заочное отделение и пошла работать в школу лаборанткой, чтобы избежать излишней опеки. Теперь ее общение с матерью сводилось к не очень частым телефонным разговорам и встречам по праздникам. – Чего ты ко мне прицепилась?

– Хорошо, – серьезно кивнула Дина. – Ответь мне на один вопрос – у тебя есть парень?

– Ты и сама знаешь ответ на него, – насупилась Катя.

– Естественно! Я даже знаю больше! С тех пор как ты лишилась девственности с Сашкой Ляповым в десятом классе, мужчин у тебя больше не было.

– Зато у тебя их хоть отбавляй, – обиженно пробубнила Катя.

– И я горжусь этим. Это о чем говорит? – она чересчур внимательно посмотрела на подругу. – Это говорит о том, что я веду полноценный образ жизни, а ты страдаешь от недостаточной выработки такого необходимого нам гормона, как тестостерон.

- Ну чего ты мелешь? Какого еще тестостерона мне не хватает?

- самого обыкновенного! Вот скажи мне, тебе хочется секса?

- Господи, чего ты ко мне пристала? - воскликнула Катя. - Нет, мне не хочется никакого секса. - Глубоко запрятанная обида на весь мужской род слабо шевельнулась в душе девушки, но она усилием воли не дала выползти ей наружу, как делала уже много лет. - Кроме того, у меня нет времени, чтобы думать о всякой ерунде.

- О чем я и говорю, - не слушая Катю, констатировала Дина. - У тебя явный недостаток этого гормона, раз тебе не хочется мужчину.

- А тебе, значит, все время его хочется? - съехидничала Катя.

- Я не могу его хотеть, он у меня и так постоянно есть! - Что правда, то правда, недостатка в партнерах Дина не испытывала. Причисляя себя к женщинам со свободными взглядами на жизнь, Дина не отказывала себе в удовольствии переспать с понравившимся ей мужчиной. При этом она совершенно не стремилась выйти второй раз замуж, решив, что одного раза вполне достаточно. - А ты можешь сопротивляться сколько угодно и твердить, что мужики тебе не нужны. Природу не обманешь, и скоро она начнет мстить тебе преждевременным увяданием.

То ли вино так подействовало, то ли слова подружки на самом деле напугали, только Катя как-то очень стремительно схватилась за бутылку шампанского и начала ее вскрывать.

- Я правильно повышаю градус? - спросила она с улыбкой, стараясь не встречаться с подругой глазами.

- Угу... - Услышав нотки иронии в голосе подружки, Катя еще ниже склонилась над бутылкой.

Как назло пробка сидела так плотно, что Катя измучилась и сильно покраснелась, доставая ее. В итоге, когда она разливала шампанское по бокалам, рука дрожала, и игристая жидкость слегка расплескалась.

- Итак, за что выпьем? – подняла бокал Дина.

- За нас? – неуверенно предложила Катя.

- За меня пить не надо, – отрезала Дина. – Давай выпьем за твой тестостерон.

- Ну что это за тост? – Катя чуть не заплакала. Она поставила обратно бокал и посмотрела на подругу глазами побитой собаки. – Что, нам больше не за что выпить?

- Бери, кому говорю, – Дина кивнула на Катин бокал. – Сейчас выпьем, а потом поясню.

Выпили до дна. После вина и шампанского в Катиной голове появился туман, стремительно сгущающийся по мере впитывания спиртного в стенки желудка. Острота реакции на Динины измышлизмы притупилась, и на губах появилась блуждающая улыбка.

- Ты чего лыбишься? – сама улыбаясь во всю ширь, спросила Дина.

- Хорошо... – неопределенно ответила Катя.

- Ааа, – разговор рисковал превратиться в обмен бессмысленностями, но Дина во время вспомнила суть основной проблемы. – Ты мне тут зубы-то не заговаривай, – погрозила она пальцем. – И от темы не увиливай... хорошо ей.

- Спрашивай, – махнула рукой Катя, готовая ко всему.

- Неее, неправильно, не спрашивай, а предлагай, – слегка качнулась Дина, вновь наполняя бокалы. – Значит так, пари у меня к тебе. За это сейчас и выпьем.

- А, все равно, валяй, – пьяно кивнула Катя.

- Ты найдешь себе мужчину.

- Что значит найдешь?

- То и значит, пойдешь и найдешь, - икнула Дина.

- Куда пойду, на помойку мусор выносить? - хихикнула Катя.

- Обижаешь... Разве я пошлю свою любимую подругу на помойку мужчину искать? Давай так, найдешь ты его в гипермаркете на Красной.

- Ничего не поняла, как это найдешь, да еще в гипермаркете? Я что, буду подходить к каждому мужчине и спрашивать, не мой ли он, пока не найдется какой-нибудь алкаш или наркоман, который согласится быть моим? - смех Кати готов был перерасти в пьяную истерику.

- Стоп! - рявкнула Дина. - Сначала выслушай до конца, а потом перебивай.

- Дин, так не говорят...

- Не учи ученого, училка хренова. Как хочу, так и говорю, - в очередной раз заткнула Кате рот подруга. - Повторяю, пойдешь в гипер, подойдешь к понравившемуся тебе мужику и предложишь ему встречать вместе Новый год. А сейчас пей, пока ты не ляпнула очередную глупость.

Катя молча поднесла бокал к лицу, разглядывая подругу сквозь грани хрустала и искрящуюся в бокале жидкость. Понятно, что изломы хрустала исказили картинку, но не до такой же степени. Скорее всего, именно пары алкоголя в Катиной голове изменили Дину практически до неузнаваемости и сделали расплывчатой. Стараясь не думать о порочности и склонности к алкоголизму, Катя пригубила шампанское и услышала:

- Пей до дна! Это того стоит! - Динин бокал уже красовался на столе совершенно пустой.

К тому времени бутылка опустела и переключивалась на пол к бутылке из-под вина.

- Итак! - Дина придвинулась ближе к столу, разложила перед собой салфетку и потребовала: - Тащи ручку, будем писать пакт!

– Дина, пакт – это международный договор, имеющий большое политическое значение, – важно изрекла Катя, подавая подружке ручку.

– А мне пофиг... Хорошо, пусть не пакт, пусть это будет пари, так и запишем пари, – вывела она корявыми буквами на салфетке. – Участники... Колобкова Екатерина Юрьевна и Цыганова Дина Евгеньевна. Заключили настоящее пари. Я правильно пишу? – посмотрела она на Катю.

– В каком смысле? С юридической точки зрения такого документа существовать не может...

– Ой, не нуди. Все я правильно написала, – сама себе ответила Дина. – Значит так, Колобкова Е.Ю. обязуется... Так, – она посмотрела по-пьяному серьезно на Катю, – когда у нас все это произойдет?

– Да что «все это»? – в очередной раз решила повозмущаться Катя.

– Не нуди, – повторила Дина, уткнувшись в салфетку, – лучше наливай!

– Ч-чего наливать-то? Шампанское выпито.

– Повышай!

– Чего? – Катя почувствовала, что слова подружки не сразу достигли цели – ее ушей.

– Я говорю, открывай мартини, – в задумчивости откликнулась Дина. – Так, пойдешь ты туда тридцать первого, в самый канун! – Если Катя и собиралась как-то отреагировать из-за волны возмущения, поднявшейся в душе, то помешали заметно снизившаяся скорость импульсов, подаваемых головным мозгом, и очередной выкрик Дины. – Выпьем за меня, как очень умную, преданную и изобретательную твою подружку, – провозгласила она тост, едва не выбивая у Кати из рук бокал.

Кате было уже все равно, за что или за кого пить. Она машинально заглотила приторную жидкость, даже не почувствовав значительного повышения крепости, и поставила бокал на стол, опершись на него локтями, а ладонями

обхватила лицо. Ей подумалось, что так она будет выглядеть умнее и лучше фиксировать все, что пыталась донести до нее Дина.

– Читаю! – закончив писать, с улыбкой людоеда произнесла подруга. – Я, Колобкова Е.Ю., обязуюсь тридцать первого декабря две тысячи одиннадцатого года в десять ноль ноль зайти в гипермаркет «Жемчужина», расположенный на улице Красная, извини, точного адреса не знаю, да и ни к чему он нам, – отвлеклась Дина, – и, выбрав понравившегося мне мужчину, предложить ему встречать Новый, две тысячи двенадцатый, год вместе со мной. Дальше... сегодняшнее число и твоя подпись. А ниже будет моя подпись, как главного свидетеля, – Дина аккуратно подвинула к Кате салфетку и ручку.

Потом Катя вспоминала, что где-то поставила закорючку, именуемую подписью. Потом Дина еще что-то писала и говорила, но этот процесс сохранился в памяти очень смутно, как сон или иллюзорные фантазии.

Проснувшись ночью, Катя поняла, что лежит в халате поперек кровати. Воспоминания о том, как попала в спальню, восстановлению не подлежали. Последнее, что она смутно помнила, это составление и подписание какого-то пакта. С пробуждением появилась тошнота. Она рванула в туалет, боясь не добежать. По пути обратно в спальню она вспомнила про Дину и решила проверить, как та устроилась на ночлег. Заходить в зал было страшновато, учитывая, что как покидала его, Катя не помнила.

Электричество включать не потребовалось, лунный свет заливал комнату, хранящую следы попойки. Первое, что бросилось в глаза, – журнальный столик с остатками закуски и пустыми бокалами. «Это все завтра», – отмела Катя мысль о немедленном наведении порядка. Даже врожденная аккуратность, доходящая порой до педантизма, не могла сейчас сражаться с наступающим жестоким похмельем.

Но где же Дина? Испуг подкрался к Кате вплотную. Диван, на котором вчера сидела подруга и который был единственным спальным, вернее, полутороспальным местом в Катиной квартире, не считая кровати в спальне, был пуст. Катя обогнула столик и едва не споткнулась о мирно посапывающую

на полу Дину. Видно сил добраться до ложа после завершения пира у той уже не оставалось, и она решила устроиться там, где эти силы ее и покинули. Катя с облегчением перевела дух. Делать нечего, придется еще немного потерпеть вертикальное положение, от которого вновь появилась тошнота, и транспортировать подругу на диван.

Раздевать Дину она уже не стала, новый спазм желудка, спровоцированный титаническими усилиями по переносу Дины, заставил ее бежать в туалет, откуда она с чистой совестью отправилась напрямик в кровать.

Пробуждение Кати совпало с грохотом посуды на кухне, звуком бьющегося стекла и приглушенными ругательствами Дины. «Она все переколотит», – подумала Катя, не в силах пошевелиться.

– Проснулась?

Дина зашла в комнату, вытирая руки о полотенце. Выглядела она, мягко говоря, не очень – лицо припухло от вчерашних возлияний, и цвет его не радовал здоровым румянцем.

– Вставай, чего валяешься? Потопали чай с лимоном пить.

– Я не могу, – даже эта короткая фраза далась Кате с трудом.

– А кто может? Я тоже не могла. Но когда двигаешься, становится легче.

– Кому как, – проямлила Катя пересохшими губами. – Я не могу даже пальцем пошевелить.

– Ооо, да ты совсем скуксилась, – Дина сочувственно взглянула на подругу. – Ладно, жди. Сейчас сварганю чай и буду тебя отпаивать, – она унеслась на кухню, а Катя с тоской подумала, откуда только в людях берется эта энергия, бьющая через край?

Через десять минут Дина вернулась с двумя чашками чая, бутербродами с маслом и сыром и двумя рюмками водки, от вида которых Кате стало еще хуже.

– Я подумала, что естественным путем мы вряд ли оклемаемся, – смущенно произнесла Дина, заметив Катин панический взгляд. – Вчера мы того... лишка хапнули. Нужно помочь организму, – с этими словами она протянула Кате рюмку. – Пей, а то крякнешь.

– Дин, я даже понюхать не смогу, не то что выпить, – с отвращением отвернулась Катя.

– Я тебе что, нюхать предлагаю эту бормотуху? Зажми нос рукой и выпей залпом, – она поднесла рюмку вплотную к Катиным губам и сама зажала ей нос. – Пей, кому говорят, если не хочешь коньки отбросить.

В общем, выпить Кате пришлось, спорить с Диной – занятие бесполезное, да и сил на это не было.

– Вот и умничка, – Дина лихо заглотнула содержимое своей рюмки. – Сейчас полегчает, – пообещала она.

Пока Дина жевала бутерброд, Катя с удивлением прислушивалась к волшебным превращениям в организме. Если сразу после рюмки водки ее чуть не вывернуло наизнанку, то уже через минуту она почувствовала приятное тепло, а еще через одну в голове заметно прояснилось и тошнота отступила. «Ничего себе! – в восхищении подумала она. – Теперь я понимаю алкашей...»

– Ты как? – поинтересовалась подруга с набитым ртом.

– Лучше, – осторожно произнесла Катя.

– Вот и чудненько. Значит, не страшно будет тебя оставить тут одну.

– Ты уходишь? – Катя заметно занервничала. Факт, что Дину развезло от единственной рюмки на старые дрожжи, был налицо. – Уж не думаешь ли ты сесть за руль?

– Я что – раненая? Поеду на такси, а за машиной вернусь завтра. Ничего тут с ней не случится. Двор у вас, вроде, спокойный.

От сердца немного отлегло, но беспокойство все же осталось.

– Может, останешься до вечера? Выспишься как следует и поедешь, – предложила она.

– Не могу, – отрезала Дина. – Дел много, а времени в обрез.

– Каких дел-то?

– Ты, со своим ограниченным кругом общения, не поймешь, – хоть это утверждение и прозвучало грубо, но являлось чистой правдой. Уже длительное время Катя общалась только с Диной и матерью, не считая вынужденного общения на работе. – Все, я потопала. Посуду перемыла, в сушилку сложила, в зале прибралась. Лежи и не хандри, – хихикнула напоследок Дина.

Когда за подругой захлопнулась дверь, Катя перевернулась на бок, свернулась калачиком и моментально уснула, пряча вспоминая о вчерашнем вечере подальше.

Декабрь в школе выдался напряженным. Весь педагогический состав лихорадило в преддверии Нового года. Директор школы – настоящий энтузиаст своего дела с двадцатипятилетним стажем работы – составил обширный план мероприятий на декабрь и распределил ответственность за проведение каждого между преподавателями. Катю назначили ответственной за проведение конкурса рисунков и поделок «Подарок Деду Морозу». Те часы, что были свободными от уроков, она тратила на сбор бесконечных поделок и рисунков. Все это нужно было сгруппировать по классам и возрастам, оформить в специально отведенном для этого уголке. Кроме того, ее шестой класс принимал участие в поздравлении ветеранов Великой Отечественной войны, которое должно было состояться двадцать пятого декабря, и Кате приходилось постоянно репетировать номера с их участием. Естественно, она очень уставала и возвращалась домой практически на автопилоте.

В один из таких декабрьских дней она возвращалась домой после экскурсии с классом по местному краеведческому музею. Ошарашенная очередным директорским заданием провести среди учащихся средней школы экспресс-конкурс «Серебряное перышко», посвященный тому же Новому году, Катя размышляла, что если так и дальше пойдет, то встречать Новый год ей не захочется по причине крайней физической усталости и сильно притупившегося интереса.

Катя и раньше не очень жаловала этот праздник и не разделяла эйфории подруг в период подготовки к нему. Сколько себя помнила, каждый год встречала вдвоем с матерью – суровой женщиной, ставшей такой, как подозревала Катя, борясь с жизненными трудностями. Отца своего она не знала, он умер, едва ей исполнилось три года. С раннего детства Катя знала, что никакого Деда Мороза не существует и подарки детям под елку кладут родители. А поскольку нет Деда Мороза, то не было и подарков по той простой причине, что зарабатываемых матерью денег едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Стандартные селедка под шубой и пельмени, как символ наступающего года, на столе, бой курантов в двенадцать часов и приказ матери отправляться в постель в половине первого. Вот и все, что отличало этот день от всех остальных.

Единственно приятное, что у Кати было связано с этим праздником, так это затаенная надежда, что новый год будет лучше, чем предыдущий. Откуда появилась надежда, она и сама не знала, возможно из многочисленных книг, поглощаемых ею в детстве, или из рассказов подруг, а может мать своим одним единственным тостом в двенадцать часов «за светлое будущее» вбила в Катину голову эту мысль. Как бы то ни было, но год из года, сидя в одиночестве в своей квартире и слушая бой курантов, Катя загадывала одно и то же желание. Даже Дина, ее подруга, ни разу не встречала с ней Новый год. Не потому, что не хотела, а потому что ее образ жизни резко отличался от Катиного. В новогоднюю ночь Дина предпочитала находиться в шумной компании. Она и подругу пыталась приобщить к этому, но Катя в этом вопросе была непоколебима. Пожалуй, это единственное, в чем она не уступала подруге никогда.

А в этом году предновогодняя суэта как-то особенно бросалась в глаза. Разговоры были только о празднике. Все строили какие-то планы, где встречать Новый год, в чем они туда пойдут или кого позовут к себе в гости. Катя в этих разговорах не участвовала, точно зная, что никто ее не позовет к себе и она никого не пригласит в свой дом. В такие минуты девушка старалась абстрагироваться и думать о чем-нибудь совершенно постороннем, например,

что можно вкусно приготовить в выходные или какую интересную книгу взять в библиотеке.

Погруженная в свои мысли, Катя невнимательно следила, куда идет, и, не заметив, на кого-то налетела.

– Смотри, куда идешь, – сначала услышала она мужской голос, а потом уже увидела хозяина. Мужчина присел, шнуруя ботинок. От столкновения с Катей он едва не завалился носом в сугроб, не удержи она его за воротник пальто. – Отпустите пальто, задушите, – еще более грубо произнес голос.

– Простите, – пискнула Катя, убрав руки и отскочив назад.

В следующий момент у нее появилась возможность рассмотреть говорившего – он наконец-то справился со шнурком и повернулся к ней. С покрасневшего лица на нее уставились пронзительно-черные глаза, из которых искрами сыпалось возмущение.

– Вы что, не видите, куда идете, дамочка?

Катя подумала, что спокойный и низкий голос никак не вяжется с тем, что он говорит.

– А вы нашли, где шнурки завязывать! – не удержалась она от ответного упрека. – Прямо посреди тротуара. Хоть бы в сторонку отошли.

– Да где вы тут сторонку-то видите? – мужчина окинул взглядом тротуар, хотя, собственно говоря, окидывать-то было нечего. На узенькой дорожке вдоль проезжей части и летом-то едва расходились два человека, а зимой добрая его половина была завалена снегом, так что тут он был прав, справедливо подумала Катя, никакой сторонки и в помине не было.

– Значит, нужно было выйти на более широкое пространство, – Катя не сдавалась.

– Я, знаете ли, не привык ходить с развязавшимися шнурками, – парировал мужчина.

– А я не привыкла, что на моем пути внезапно вырастают... горы... препятствий.

– Я еще и виноват, что вы под ноги не смотрите, – мужчина начал возмущенно раздувать ноздри. – Нужно смотреть вперед, а не в себя. И вообще... на вас дурацкое пальто.

Этого уж Катя стерпеть не могла. Она окинула взглядом его холеную фигуру в дорогом полупальто и грозно выпалила:

– А вы олух и грубиян! – она оттолкнула его плечом, от чего тот опять чуть не свалился в сугроб, и, протиснувшись мимо, чеканным шагом направилась дальше, бубня ругательства себе под нос.

– Пугало огородное, – крикнул он ей в спину и громко рассмеялся.

Злые слезы затуманили глаза. Она, конечно, не считала себя писаной красавицей, но чтобы кто-то открыто называл ее пугалом? Такого с ней еще не случилось. Ее пальто, видите ли, не понравилось. Ей оно тоже не нравится, но нужно же в чем-то ходить зимой, а на норковые шубы у нее не было денег, да и не будет, наверное, никогда. Размышляя таким образом, Катя наконец-то достигла спасительного убежища, своей квартиры, но настроение у нее было окончательно испорчено.

На следующий день, прочитав около сотни сочинений на тему «Новый год», из которых менее десяти годились на конкурс, Катя уже начала подумывать об увольнении. Выказывать директору протест по поводу себя как устроителя, судьи и оформителя было бесполезно. Такие манифесты он просто не слушал, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов и удаляясь. Из этой ситуации существовало два пути выхода: бросить все и уволиться из привычного коллектива, где она проработала шесть лет, или терпеть и довести начатое дело до конца. Что тут выберешь, когда усталость подталкивает в одну сторону, а разум – в другую?

Этот рабочий день закончился позднее обычного. По пути домой она вспомнила, что выскребла утром из банки последнюю ложку кофе. Делать нечего, придется еще и в магазин заходить, хотя больше всего ей сейчас хотелось оказаться в горячей ванне. Но после ванны ей обязательно захочется выпить кофе, это уже превратилось в своеобразный ритуал. Так что делать нечего, магазина избежать не получится. Благо, денег в кошельке было очень мало, а значит, с покупками не разгонишься, и магазин находился в двух шагах от дома, значит то незначительное, что она собиралась купить, далеко нести не придется.

В маленьком магазинчике самообслуживания было тепло и уютно. Украшенный разноцветными гирляндами, он выглядел по-праздничному. Правда, на такую небольшую площадь покупателей было предостаточно, а толкаться Катя не любила. Взяв корзину и поглубже вздохнув, она ринулась в глубь магазина к интересующей ее стойке.

Единственную банку того самого, любимого ею кофе Катя увидела издалека. Рискуя свернуть шею, она ринулась наперерез толпе к желанной цели, не надеясь, что банка все еще будет там и ее никто не уведет из-под носа. Уже протягивая руку, она краем глаза заметила черную кожаную перчатку, также приближающуюся к банке. Катя схватила банку первой и прижала к себе. Торжествуя, обернулась к обладателю руки. Им оказался тот самый мужчина, что вчера ей нагрубил.

– Это опять вы?! – возмущенно спросил мужчина. – Если вы не в курсе, то эта банка должна была быть моей, вы практически вырвали ее у меня из рук.

– Еще чего! – подбоченилась Катя. – Я первая ее схватила, – ехидная улыбка заиграла на ее губах. – А вы оставайтесь теперь без кофе...

– Предположим, без кофе я не останусь, – он окинул стеллаж взглядом. – Тут еще как минимум три вида есть.

– Да? Почему же вы тогда хотели взять именно этот? Не утруждайте себя, – скривившись, остановила готового заговорить мужчину Катя, – сама знаю, потому что этот самый вкусный. Был. А теперь его уже нет. Для вас нет, – она двинулась вдоль стойки, повинувшись внезапному желанию купить себе к кофе конфет.

- А почему вы мне все время грубите? – услышала она за спиной.

- Грубите вы, а я защищаюсь, – не сбавляя шага, ответила она.

- Вас что, кто-то сильно обидел, раз вы такая нетерпимая к мужскому полу?

- Да что вы себе позволяете? – резко обернулась Катя, так что мужчина чуть не налетел на нее. В самый последний момент он успел затормозить, но все равно находился слишком близко, нарушая Катину личное пространство. – Кто дал вам право задавать такие вопросы совершенно постороннему человеку?

Она слегка попятилась, наступив при этом на ногу какой-то женщине, за что немедленно и от нее узнала всю правду о себе.

- Да что же это такое! – Катя обернулась к тучной женщине, продолжающей нелестно выражаться в ее адрес. – Вы что сговорились все оскорблять меня? Вам-то что такого я сделала? Подумаешь, наступила на ногу. По-вашему, я это сделала специально? – Она гневно уставилась на женщину, и та предпочла ретироваться на безопасное расстояние. – А вы... Вы вообще идите, куда шли. Чего привязались?

- А что у вас с нервами? Не хотите показаться специалисту? – Мужчина нервно поправил шарф, а Катя очень некстати подметила, что у него красивые руки с длинными пальцами. – Я направляюсь к кассе, а это самый короткий путь.

- Вот и идите уже... к кассе.

- Я и иду, да вы мешаете.

- Пожалуйста, – Катя вжалась в стеллаж, пропуская мужчину вперед.

Она еще какое-то время потопталась на месте, делая вид, что выбирает печенье, лишь бы не столкнуться с незнакомцем у кассы, а потом пошла расплачиваться, заметив, что тот покинул магазин.

Не успела Катя переступить порог собственной квартиры, как зазвонил домашний телефон. Разговаривать ни с кем не хотелось, особенно если этим

кем-то была ее мать. Разговор с нею растягивался обычно на полчаса как минимум, во время которого Катя в основном выслушивала, какая она неблагодарная дочь, что так редко навещает мать, в то время как та совсем изболелась. Дело в том, что на здоровье мать жаловалась всегда, даже когда прекрасно себя чувствовала. Это было ее коронной фишкой, причем она никогда не слушала, что говорит ей Катя. Собственно, в такие моменты ей нужны были Катины уши, а не проблемы, о которых она и знать ничего не желала. Катина мама относилась к категории людей, считающих, что проблемы могут быть только у них.

Не взять трубку Катя тоже не могла, потому что звонить мог кто-нибудь из сослуживцев по действительно важному делу.

- Ты чего не берешь так долго трубку? - услышала она возмущенный голос Дины. - И почему у тебя отключен мобильник?

- Он не отключен, а сломан, - сдержав стон, ответила Катя. - Ему уже давно пора было это сделать - сломаться.

- Ладно, за мной мобильник. Жди его на Новый год. Кстати, именно по этому поводу я тебе и звоню...

- Если ты начнешь зазывать меня на какую-нибудь вечеринку, - перебила Дину Катя, - то сразу предупреждаю, зря стараешься. Я никуда не пойду, буду сидеть дома, пить шампанское и смотреть телевизор.

- Тише ты, тише, затараторила, - засмеялась Дина. - Чего это ты какая-то нервная? - «И она туда же», подумала Катя, в любой момент готовая бросить трубку. - Я звоню совсем не поэтому.

- Тогда быстро выкладывай, что тебе нужно. Я очень устала и хочу в ванну.

- Я звоню напомнить о нашем соглашении.

- Какое еще соглашение? - Катя начала снимать пальто, почувствовав, как по спине стекает струйка пота.

– Так и знала, что ты забудешь. Сегодня двадцатое число, и до намеченной даты осталось десять дней.

– Да до какой даты-то? – Катя уже справилась с пальто и принялась стягивать сапоги.

– До тридцать первого.

Дина настойчиво засопела, а Катя начала перебирать в памяти разговор с ней, вспоминая содержание.

– Именно тогда ты должна пойти в гипермаркет...

Катя до мельчайших подробностей вспомнила тот их разговор с Диной. Сказать, что ей стало дурно, значит не сказать ничего.

– Дин, ты же не будешь настаивать на этой глупости? – выдавила она из себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/volgina_nadezhda/lyubov-pod-novyuy-god

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)